

@Фит:

[...]

Это чувство, когда тебя выводят из мрачного оцепенения, невозможно описать словами.

Я жил много раз и умирал много раз.

В одиночестве я прошел бесчисленное количество путешествий между жизнью и смертью.

Но только когда Милан вывел меня из хаоса, я по-настоящему почувствовал, что оживаю, переставая быть ходячим мертвецом.

...

Боюсь ли я смерти?

Для того, кем я был изначально, смерть не была страшна.

В те времена смерть равнялась почетному ордену.

Погибнуть в звездных битвах считалось достойным финалом для любого военного зерга.

Чего бояться смерти?

Смерть – это всего лишь мгновение, не отличающееся от потери сознания под анестезией.

...

А потом, потом...

...

[Здесь следует долгая пауза, интервьюируемый впадает в патологическое состояние, сопровождаемое , проявляющееся как (удалено). После помощи сопровождающего интервью возобновляется.]

...

...

Прошу прощения.

Впрочем, это не тот факт, который нужно скрывать.

Мое психическое состояние действительно ненормально, хуже, чем у самого тяжелого психологически больного среди военных самок, какого только можно представить.

Во время приступов я погружаюсь в неизбежные видения. Возможно, именно эта неконтролируемая эмоциональность стала одной из причин, почему он выбрал меня.

Некоторые военные врачи, привыкшие к смерти и стонам боли, черствеют, как камень, их руки действуют словно части отлаженной медицинской машины.

Так они защищают свое психическое состояние.

Но есть и другие военные врачи, которые, подобно звездным военным самкам, обладают невероятным талантом – способностью идеально контролировать свое тело.

Все эмоции, хорошие и плохие, они воспринимают как здоровые органы или отмершие сосуды.

Плохое – отрезать.

Хорошее – оставить.

Такие врачи куда более безжалостны, чем первые. Но прежде чем отсечь плохое, их чувство долга заставляет их походить на святых.

Милан был таким.

Большую часть времени я был в порядке, но во время приступов становился ужасен.

В такие моменты мне кажется, будто я – вскрытое сердце, которое, вопреки всему, продолжает биться. С каждым ударом оно теряет кровь, и смерть всего в шаге.

Но разве не забавно, что будучи вскрытым, я все еще могу барахтаться и биться?

Милан был военным врачом, и его, конечно, заинтересовало это нарушение зергской биологии. Долг и любопытство стали первыми причинами его внимания ко мне.

В самые тяжелые моменты приступов я даже радовался.

Смотри на меня – такой странный, но все еще живой.

Смотри на меня – так изранен, исследуй меня.

После нашей первой встречи я всегда хотел предстать перед Миланом в лучшем виде, но в итоге именно жалкое зрелище заставило его остановиться.

...

Выпрашивать жалость?

Нет смысла.

Мое состояние тогда нельзя было описать просто словом "жалкий".

Точнее будет сказать: безумный, невротичный, отвратительный, извращенный.

Вся эта мерзкая патология и была Джошуа Варша. После миллиона попыток от него осталась лишь красивая оболочка, а внутри – гниль, которую Милан разглядел уже при третьей встрече.

...

Конечно, я не специально ему это показывал!!

Будь у меня тогда хоть капля разума, я бы предпочел смерть тому, чтобы Милан увидел меня в таком состоянии! Лучше вам затк...!

...

[Интервьюируемый теряет самообладание, интервью прерывается на 30 минут.]

...

Он нашел меня во время одного из приступов.

Это был ужасный день.

В тот день Милан сам назначил мне встречу, чтобы обсудить третье нападение чудовищ на Легион Ос в будущем.

Я был так счастлив.

...

Да, именно так.

Я потерял контроль именно от счастья.

Я пережил столько отчаяния, что если бы все мои негативные эмоции выплеснулись наружу, они бы породили приливную волну чудовищ.

Я пришел на два часа раньше и ходил кругами, вытопав в сырой земле округность.

Я заранее продумал все, что скажу, выстроил фразы в строгом порядке и поклялся себе не говорить лишнего.

Все наладится.

Мы с Миланом сможем спокойно и дружелюбно общаться!

Как в прекрасном сне.

Но тут на меня накатило безумие, словно призрак, шепчущий в ухо о прошлых неудачах.

Я продержался недолго, потом в панике забился в заброшенный склад.

Место встречи Милан выбрал тщательно – это была временная свалка строительных материалов, куда кроме кладовщика, приходившего раз в неделю, никто не заглядывал.

Я не хотел пропустить встречу, но и не мог уйти далеко. Я думал, что быстро возьму себя в руки, приведу в порядок новую форму и вернусь к Милану.

Но мой характер не изменить.

Стоило Милану проявить ко мне немного доброты, и я уже верил, что если потерпеть, все наладится.

Самообман дорого мне обошелся.

В том складе меня накрыло.

Галлюцинации и голоса – бесчисленные мертвые версии меня разного возраста в новой, рваной или сгоревшей форме – ненавидели меня, шепча: "Не может быть, не может быть, не может быть, почему ты, почему именно ты?"

"Почему в этот раз тебе так повезло?"

Я разодрал себе уши, шея была в крови, я безумно размахивал руками.

Даже закрыв глаза, я видел этих "меня" – искаженные, бесформенные лица, окружающие меня, бормочущие без остановки.

Я уже собирался выцарапать себе глаза, как вдруг почувствовал резкий запах. Тело ослабло, а руки пронзила острая боль.

Кто-то схватил меня за лицо, дал несколько пощечин, и его крики и быстрая помощь вернули меня в сознание.

Я едва пришел в себя.

И чуть не сорвался снова.

Милан прижал меня к земле военным приемом.

Он был легче меня, поэтому ему пришлось всем телом придавить меня, чтобы обездвигнуть.

Два скальпеля пригвоздили мои ладони к полу, а он занес руку для очередной пощечины.

Моя новая форма была в грязи и крови, и сквозь слезы, склеившие ресницы, я видел, как почетные ордена, которые я так тщательно крепил перед зеркалом, валяются по полу, шнуры порваны.

Я не думал, что первым близким контактом с Миланом в моей жизни после той первой дерзкой встречи станет ситуация, где он прижимает меня к земле, как преступника.

Даже голоса в голове на мгновение замолчали.

У меня потемнело в глазах, я почти потерял сознание.

Милан, все еще удерживая меня, приказал держаться и смотреть на него.

Голоса не умолкали, проклиная меня, но голос Милана звучал четче всех.

Так что я держался, не терял сознание и, следуя его голосу, постепенно пришел в себя.

...

Ни один самец не полюбит такую самку.

Тогда я наговорил еще много бессвязного бреда. Я не помню что, и когда позже спрашивал Милана, он избегал темы, так что я перестал спрашивать.

Наверное, это было ужасно.

Я не хотел этого показывать.

Обмануть Милана сложно – именно из-за его пронизательности я так часто терпел неудачи.

Я не знаю, почему он выбрал меня в самом худшем состоянии.

Раньше я бы любыми способами пытался это выяснить, как будто шел на трудную войну, но так я только все портил.

В последнее путешествие своей жизни я окончательно сломался, и вся эта мерзкая патология стала мной. Я больше не мог себя узнать.

Когда Милан впервые сам обнял меня и подал знак любви, я даже подумал, что это очередная предсмертная галлюцинация.

Настоящий Милан никогда бы так не поступил.

Я инстинктивно отстранился, не смея поверить, боясь поверить.

Я больше не мог вынести отчаяния.

Но я отчаивался не из-за страха перед Миланом, а из-за себя.

Даже если механизм доверия полностью разрушен, стоит Милану подать малейший знак - и я последую за ним.

Как может обессилевший пловец, борющийся за жизнь, отказаться от маяка на берегу?

...

Милан не разозлился на мои метания.

Он сказал, что я просто болен.

А он, как раз, врач.

Пациенту нужен врач.

Врач заботится о пациенте.

Так что мое психическое состояние - не то, что нужно скрывать.

Я просто болен, и Милан меня вылечит.]

[Он что, хвастается?]

[Можно вернуться к повествованию от лица Милана? Джошуа слишком кратко все описывает, опуская детали их общения! Почему в ключевые моменты Джошуа ведет себя как Фит Уэйн? Краткость, краткость, сплошная краткость! Если я еще раз услышу, как этот ублюдок кратко хвастается, у меня будет инсульт!]

[Почему у меня в ушах звенит? А, это я нож точу.]

[И это не попытка вызвать жалость? Seriously??]

[Милан прижал Джошуа военным приемом?.. Ох, ох.]

[Твои товарищи-медики: Отвали.]

[Описание двух типов военных врачей Джошуа действительно соответствует действительности. Я тоже предпочитаю иметь дело со вторым типом - они хотя бы спросят, не нужен ли

анестетик. Первые... Кто-нибудь еще пережил четырехчасовую операцию по удалению чешуекрылых без анестезии? Я прямо на столе обделался от боли.]

[Как же хочется встретить такого врача, как Милан. В первой главе, когда лагерь был в хаосе, он все же вытащил оглушенного Теодора. Если бы не попытка спасти Теодора, Милан мог бы спрятаться и избежать плена.]

[Есть одна раздражающая деталь: нынешнего командира Легиона Ос зовут Теодор Леон. Не кажется ли вам, что Легион Ос слишком зазнался?]

[Черт! Все знают, что Фит любит использовать реальные факты! Может, у этого Теодора и правда есть какое-то темное прошлое? Иначе почему Фит взялся за заказную книгу именно про Легион Ос? Почему не про другие легионы, а именно про аутсайдера десятки?]

[Погодите, не надо распространять слухи о медиках Легиона Ос! Мы проходим тщательные проверки, нас сканируют догола!]

[Смешно, чем больше вы оправдываетесь, тем сильнее кажется, что вам есть что скрывать. Эй, Осы, у вас и правда есть грязные секреты?]

[А вы не знали? Медики Легиона Ос в одном из средних миров как-то пошли в бар, а наутро их нашли голыми в переулке. И это не единичный случай.]

[Лучше бы у них и правда были секреты, а то как-то стыдно.]

@Фит: [Как лечили?]

Слишком обширный вопрос. Если отвечать подробно, это займет целый год. Ты что, собираешься провести здесь целый год? Даже не меч...!

...

Прошу прощения.

Тогда расскажу о самом запоминающемся случае лечения.

Самый яркий, незабываемый - наша первая встреча, когда я в ярости поднялся на Черную башню.

...

...

Тогда я еще не прошел через все последующие испытания и реагировал крайне неуклюже и грубо.

Юный я пришел, неся смерть, а иссохший он ответил мне жизнью.

Гипервентиляция - не смертельная болезнь, но во время приступа она может убить за мгновение.

Это был мой первый опыт столь интенсивных, подавляющих, хаотичных и унижительных эмоций. Они, словно грязь, вытеснили мое сознание из тела.

Если искать физическую аналогию...

Вспомню свои 19 лет.

Третий брат взял меня на охоту и учил добывать нефтяные ядра из голов чудовищ.

Мы проползали через вонючие, скользкие туннели в их головах, и я, пробираясь сквозь смрад, постоянно рвал.

Третий брат был для меня во многом учителем и проводником.

В день его гибели его место ненадолго занял голос его самца.

Следуя этому спокойному голосу, я вернулся в реальность. Огромный эмоциональный груз прошел сквозь меня, мое сознание выползло из длинного темного туннеля на свет.

Я жадно глотал воздух, слезы текли сами, лицо пылало, руки непроизвольно сжались.

И тогда я почувствовал, что кто-то крепко прижался ко мне.

Мой затуманенный разум наконец осознал происходящее.

Я оцепенел.

Этот самец был вдавлен в мое плечо, я чувствовал его верхнюю часть тела в своих объятиях и вдыхал бодрящий аромат.

Я сжимал не сильно, но ему все равно не хватало воздуха.

Однако самец не издал ни звука, тихо прижавшись к моей шее и едва дыша.

Его дыхание было слабым, губы и лицо мелко дрожали, горячее дыхание касалось моей шеи, и меня пробрала дрожь.

Я знал такое дыхание – когда я боролся с другими зергами, побежденные, зажатые в моих объятиях, краснели, закатывали глаза, и через несколько секунд я мог сломать им шею.

Самец моего третьего брата оказался куда слабее, чем я думал.

Одно объятие – и он уже умирал?

И вдруг я вспомнил слова брата.

Он говорил, что я еще личинка и вижу мир черно-белым, без полутонов.

Я всегда считал это бредом.

Но в тот момент я осознал – да.

Эта нелепая ненависть родилась в серой тени иллюзии.

Теперь, увидев правду за тенью, как было не ужаснуться?

Эта тень держала часть моего сердца десять лет.

Когда я увидел правду...

...

Вы все записываете, но будете ли сокращать при публикации?

Немного?..

...

Я не угрожаю, просто уточняю. Понял, буду вежливее.

...

Эта иллюзорная тень слишком долго жила во мне.

Как я уже говорил, тогда передо мной была прямая дорога, и мало что могло надолго засесть у меня в голове.

Ненависть и гнев рухнули, десять лет переживаний превратились в нечто иное.

Тогда я еще не понимал, во что.

Я лишь знал, что это чувство было невыносимым.

Крушение, потеря контроля, любопытство и исследование.

Бесчисленные вопросы сбили меня с толку.

Чувство велело мне двигаться, приблизиться, рассмотреть.

Я ослабил хватку и взял самца за подбородок, чтобы видеть его лицо.

Его лицо покраснело от удушья, тело мелко дрожало, в безжизненных черных глазах стояли слезы, катившиеся по бледной, неестественно белой коже.

Красное на белом, слезы, как утренняя роса, он опирался на меня, и я будто держал в руках свежую розу.

Все мои вопросы испарились в секунду.

Он не злился и не боялся, лишь кашлянул и хрипло, так что я не мог понять, где правда, а где ложь, сказал: "---, мне больно."

Его лицо было спокойным, но слезы не прекращались.

Эти слова стали началом всего - и проклятием, и якорем.

Его черные глаза ничего не видели, он не понимал, кто я.

Но мое сердце, мои эмоции, все во мне будто опрокинутый кувшин - вода хлынула наружу, и ничто не могло ее остановить. Разлитой воды не собрать.

...

Тогда я списал неконтролируемые чувства на переутомление, неспособность мыслить здраво и обрабатывать тонкие эмоции – голова вот-вот взорвется.

Но сейчас я могу честно сказать: тогда Милан озадачил меня.

Неспособность контролировать эмоции вызвала во мне панику.

Это была первая вещь в моей жизни, которую я не мог победить, даже не имея оружия для ответа.

Поэтому тогда я просто толкнул Милана на кровать и убежал еще быстрее, чем пришел, даже не воспользовавшись лестницей – спрыгнул с башни.]

[?]

[Не будем обсуждать остальное, но по существу: Джошуа Варша, ты что, импотент?]

Примечание автора:

Название главы "Разлитой воды не собрать" отсылает к строке из произведения Чжан Айлин "Первая фимиамовая палочка".

Материал о приступах Джошуа взят из документальных фильмов о психических заболеваниях – меня чуть не до смерти напугали QWQ.

<http://bllate.org/book/14684/1309714>